

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

**СЕРИЯ
«ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»**

№ 1 (7)

**Издается с 2009 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2013**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**SERIES
PHILOSOPHICAL SCIENCES**

№ 1 (7)

**Published since 2009
Appears Twice a Year**

**Moscow
2013**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Кутузов А.Г.

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Иванова Т.С.

ректор ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор педагогических наук, профессор
президент ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
заслуженный учитель РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бессонов Б.Н.

главный редактор

Бирич И.А.

заместитель главного редактора

Никитин В.А.

Кожеев Н.С.

Черненко С.В.

ответственный секретарь

Черезов А.Е.

заведующий общеуниверситетской кафедрой философии
ГБОУ ВПО МГПУ, доктор философских наук

профессор общеуниверситетской кафедры философии
ГБОУ ВПО МГПУ, доктор философских наук

профессор общеуниверситетской кафедры философии
ГБОУ ВПО МГПУ, доктор философских наук

профессор общеуниверситетской кафедры философии
ГБОУ ВПО МГПУ, доктор философских наук

доцент общеуниверситетской кафедры философии
ГБОУ ВПО МГПУ, кандидат философских наук

профессор общеуниверситетской кафедры философии
ГБОУ ВПО МГПУ, доктор философских наук

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2074-7829

© ГБОУ ВПО МГПУ, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера	8
---------------------	---

Общество: ценности и смыслы

<i>Солопов Е.Ф.</i> Эволюция социальных типов личности в истории: движение к многообразию и свободе	10
<i>Тысячина А.Д.</i> Диалектика прогресса и регресса в развитии общества	21
<i>Бессонов Б.Н.</i> Задачи интеллигенция в русской истории и современность: трудности самоопределения	30

Человек и мир

<i>Баркова Э.В.</i> К определению человека XXI века: философия образования в поисках целеполагающих стратегий.....	46
<i>Фуркин Б.А.</i> Виртуальность как способ бытия человека в информационном обществе	54
<i>Кондратьев В.М., Яскевич М.И.</i> Методологические основания рейтинга педагогических вузов	61

История и философия науки

<i>Галухин А.В.</i> Проблема рациональности в контексте тематических сдвигов в эпистемологии	69
<i>Иванюшкин И.А.</i> К вопросу об онтологии Интернета (историко-философский контекст).....	81

Философия культуры

<i>Огородников Ю.А.</i> Из истории русской эстетики XIX–XX веков	91
--	----

А.В. Галухин

Проблема рациональности в контексте тематических сдвигов в эпистемологии

В статье рассматривается изменение статуса проблемы рациональности и трансформация подходов к ее решению в контексте расширения предметного поля эпистемологических исследований. Выделяются: (I) тенденция к плюрализации когнитивного опыта и диверсификации способов его осмысления; (II) тенденция к историзации и диалектизации понятия рациональности; (III) тенденция к переориентации эпистемологии на изучение познания и определение конституентов рациональности в плане соотнесения логически-нормативных установок и металогически-диспозитивных факторов рационализации познавательного процесса, выявления условий предпосылочной детерминации научного познания и его связей с метанаучным контекстом.

Ключевые слова: наука; научная рациональность; эпистемология; позитивизм; постпозитивизм; историцизм; полилогичность; трансдискурсивность.

Общей интенцией классических гносеологических исследований, заявленной в подходах к проблеме рациональности, было развитие таких стратегий «критики разума», которые позволяли бы производить демаркацию разумного от всего неразумного — рефлексивно непрозрачного и логически не прорабатываемого содержания и обеспечивали бы выявление контура рациональности в *регулятивных* структурах и *конструктивных* основаниях познавательной деятельности. В пределе такое исследование было ориентировано на раскрытие основоустройства той или иной *эпистемы*. В специфической области философии науки рациональность тематизировалась в рамках различных типов рефлексии, которым соответствует, с одной стороны, логическая экспликация нормативных структур, например, определение процедур научного обоснования «в плане их соответствия универсальным логическим стандартам», а с другой стороны, оценка «разумности», «целесообразности приложения этих процедур в соответствии

с определенным идеалом научности» [11: с. 45–50]. Дивергенция этих типов рефлексии — проблематичность установления их соотносительности в философии и методологии науки определяет содержание проблемы рациональности, как она ставилась и разрабатывалась, например, в постпозитивистском философско-научном дискурсе.

Для целого ряда современных философских программ общим становится стремление тематизировать рациональность в плане многообразной *вовлеченности разума*, рассматриваемого из перспективы лингвистических, коммуникативных, исторических, прагматических, экзистенциальных контекстов, — обращение к этим контекстам является, как известно, темой неклассической философии. Объективные пределы понимания актуального смысла проблемы рациональности определяются в значительной мере рефлексией на историческую ситуацию в культуре, идентифицируемую как ситуация *постмодерна*: сознание культуры постмодерна стремится выразить себя в феномене «постметафизического мышления», — в предметном плане такого мышления производится критическая деструкция позиций классической «метафизики» — «универсализма» и «фундаментализма», «эссенциализма» и «бинаризма», «логоцентризма» и «аксиоцентризма», а это позиции, с которыми классическая философия связывала обоснование универсальности притязаний теоретического и практического разума. Очевидно, что изменение понимания статуса рациональных стратегий в познании, равно как и изменение условий и направлений поиска самих критериев рациональности, конституирующих ее оснований, являются показателями существенного расширения собственного предмета гносеологических и эпистемологических исследований.

Для целей тематической пропедевтики можно выделить, по крайней мере, **три ключевые тенденции**, которые репрезентативны в плане раскрытия ситуации с обсуждением проблемы рациональности в современной эпистемологии, — с проявлением этих тенденций сопряжено возникновение комплекса новых проблем:

- тенденция, проявившаяся в актуализации **принципа полилогичности**, — это тенденция к плюрализации когнитивного опыта и диверсификации способов его философско-теоретического осмысления.

- тенденция, проявившаяся в актуализации **принципа историзма**, — это тенденция к релятивно-историческому пониманию знания и диалектизации понятия рациональности.

- тенденция, проявившаяся в актуализации **принципа трансдискурсивной открытости**, — это тенденция к размыканию теоретико-познавательного дискурса на контекст целостной коммуникативной и практической деятельности человека.

(I) Тенденция к *плюрализации* когнитивного опыта и способов его философско-теоретического осмысления. Изменение условий и направлений поиска конституирующих рациональность оснований результирует введением ее новых

определений, выражающих признание объективного многообразия типов и форм рациональности, видов проявления ее как универсальной характеристики познавательной и практической деятельности человека. В современной эпистемологии проблема рациональности ставится и обсуждается в контексте соотношения научных и ненаучных форм знания и типов мышления, — общезначимым становится признание нередуцируемого многообразия когнитивных практик, при котором каждый тип знания обнаруживает присущие ему контуры рациональности, формы обоснования и критерии приемлемости, способы организации, сферы применимости [1: с. 235–247]. Следует заметить, что ситуация выделения различных профилей научной рациональности была своеобразно предвосхищена еще Баденскими неокантианцами, обосновавшими различие номотетической методологии естественных наук («наук о природе») и идиографической методологии наук гуманитарных («наук о культуре»). Показательно также произведенное ранее В. Дильтеем разведение установок рассудочного объяснения (теоретического конструирования «по поводу жизни») и имманентного исторического понимания («понимания жизни, исходя из нее самой») в проектировании и обосновании особого статуса «наук о духе», что стало особенным аргументом в пользу признания *полилогоичности* научного разума. На исходе эпохи модерна объектом критики стала сциентистская трактовка феномена рациональности, исходившая из утверждения приоритетного значения модели научной рациональности и представления о науке как «прогрессивно снимающей» в себе другие формы и типы знания. Закреплению рефлексивного полилогоически открытого понимания рациональности в эпистемологии особенно способствовала комплексная парадигмальная трансформация философского дискурса, которую Ю. Хабермас обозначил как «выход из философии субъекта» и утверждение «коммуникативного разума против разума субъект-центрированного» [15: с. 124]. Соответственно разным типам действия и понимания знания различаются горизонты значимости понятия рациональности: в одном случае рациональность «соизмеряет себя со способностью единичного субъекта ориентироваться в пространстве подлинного смысла своих мыслей и высказываний», в другом случае рациональность исчисляется «по способности вменяемых участников интеракций ориентироваться в претензиях на значимость, которые выдвигают субъекты, претендующие на взаимное признание» [15: с. 124]. Такой поворот имел определенный резонанс в философии науки, что особенно выразилось в обращении к проблемам коммуникативных факторов и конвенциональных форм развития научного знания. В этом поле интересов развиваются оригинальные концепции, заложившие основу *трансдискурсивно-конвергентного* понимания научной рациональности: так, например, Л. Флек развивает концепцию «мыслительного коллектива» с определенным «стилем мышления», представляющим конвергенцию когнитивных и социальных детерминантов рациональности. В этом же направлении были разработаны концепции, в которых определяется роль социально-эпистемических сообществ в установлении параметров рационализации познавательного процесса.

Тематический вектор этот можно проследить от концепции «научных революций» *Т. Куна*, исследовавшего парадигмально-релятивные основания науки и соответствующие им способы действия научного сообщества на основе принимаемых и преобразуемых «дисциплинарных матриц», до теории *Н. Рёшера*, представлявшего «методологический прагматизм» как аспект коммуникации в рамках социально-эпистемических формаций. А предельное выражение данной тенденции в рамках экстерналистского подхода прослеживается в работах «социальных историков» и «социологов науки», развивавших как макроаналитические, так и микроаналитические стратегии анализа и реконструкции научной деятельности. Для эпистемологии в целом «выход из философии субъекта» показал, что диалектика знания может стать перспективно-открытой — ориентированной на непредзаданное в началах будущее, если понимать ее как феномен интерсубъективной коммуникации, обеспечивающей полилогическое развертывание всеобщности массива знаний на фоне «жизненного мира», фундирующего различные типы дискурса, виды знания и формы практической ориентации.

(II) Другая общезначимая тенденция связана с актуализацией принципа *историзма* в понимании оснований конституирования и форм проявления рациональности в познании. Усиление тенденции к исторической релятивизации и диалектизации понятия рациональности свидетельствует о критической переоценке потенциала классических гносеологических и неопозитивистских аналитических стратегий, опиравшихся на фундаменталистские (логико-эмпирицистские) модели анализа структуры знания и процедур его обоснования. Собственно, лингвистический поворот (переход «от парадигмы сознания к парадигме языка»), определившийся в курсе развития неопозитивистских аналитических стратегий, явился парадигмальным сдвигом, значение которого проявилось и в составе образования принципов неклассической эпистемологии. Следует признать эвристичность первичного обращения к проблемам логики-семантического анализа и прояснения статуса языка науки. Такое обращение было мотивировано стремлением выработать стратегию демаркации за счет определения общезначимых условий операционализации репрезентативных функций языка в процедурах организации опыта, верификации познавательных утверждений, артикуляции знания, предстающего в составе различных логики-языковых форм, «языковых игр» и соответствующих типов дискурсивности. Собственно, логический эмпиризм проблему критериев научности ставит как проблему образования языка науки — актуализации принципа осмысленности высказываний (по определению *М. Шлика*, «познание есть выражение») на основе верификационистского критерия значения, который выполняется в плане редукционистской спецификации общей установки на обоснование знания с применением моделей экстенциональной логики. Примером такой спецификации является редукция определения критерия научного статуса теорий к установлению осмысленности предложений как функции истинности «базисных высказываний», репрезентирующих твердый эмпирический фундамент науки, — при таком подходе *верифицированность, осмысленность и научность совпадают*.

Сокращение же эвристического потенциала неопозитивистских стратегий в деле обоснования науки и решения проблемы демаркации на основе верификационистского критерия осмысленности научных высказываний было сопряжено с оправданной критикой логико-эмпирического фундаментализма позитивистов со стороны историков науки и дальнейшим утверждением позиций критического рационализма, историцизма, прагматизма [6]. Нельзя не признать, что некоторые основания критики стали осознаваться в самой аналитической философии, что повлияло на перспективу так называемого прагматического поворота в стратегиях анализа, чему соответствует позиция «позднего» *Л. Витгенштейна*, обратившегося к теме «языковых игр» и анализу их специфики как субсистентных «форм жизни». Определяющее значение в деконструкции целого ряда позиций логического позитивизма и трансформации значения проблемы рациональности имели разные типы критических аргументов, среди которых:

- преодоление позиций позитивистского *логико-эмпирического фундаментализма* в таком ключевом моменте, как принцип верификации и соответствующие ему стратегии обоснования, представляющие способ действия исходя из идей индуктивной логики; развитие *К. Поппера* и его последователями программы *критического рационализма*, в рамках которой утверждается фаллибилистический подход к проблемам эпистемологии, обосновывается значение стратегии перманентной критики, актуализирующей возможности роста знания, вырабатывается критерий демаркации (открытость теоретической системы для критической экспертизы, ключевым моментом которой является эмпирическая проверяемость в смысле фальсифицируемости) и демонстрируются возможности реализации критического подхода в рамках *гипотетико-дедуктивной* модели построения и развития научных теорий;

- изобличение *У. Куайном* «догм эмпиризма» [2: с. 342–367] (дихотомии синтетических и аналитических утверждений и редукционизма — непосредственной сводимости теоретических терминов и предложений к элементарной эмпирической основе), критика карнаповской концепции «концептуальных каркасов», обоснование необходимости преодоления понимания языка на основе «мифа о музее» и развитие идей «онтологической относительности»;

- изобличение *Д. Дэвидсоном* «третьей догмы эмпиризма» — демонстрация неосновательности противопоставления концептуальной схемы и эмпирического содержания;

- развенчание *Селларсом* «мифа о данных», образующих слой эмпирически первичного — «невыводного» — знания, обоснование альтернативного положения о детерминированности опытных «данных» условиями их интерпретации в определенной языковой системе;

- выдвижение и обоснование тезиса *Дюгема-Куайна* о недоопределенности теории опытом, сопряженное с признанием «холистичности» формации теоретического знания;

- усиление потенциала позиций *Т. Куна* и *Н. Хэнсона*, выступивших с тезисом о «теоретической нагруженности опыта», получившего подкрепление и в эволюционно-эпистемологических исследованиях Поппера;
- демонстрация неадекватности позитивистской модели линейно-кумулятивных репрезентаций для реконструкции реальной истории науки (обоснование тезиса о несоизмеримости научных теорий как момент развития концепции «научных революций» *Т. Куна*; раскрытие значения «регрессивных и прогрессивных сдвигов проблемы» как момент методологии «исследовательских программ» *И. Лакатоса*; развитие историко-научных концепций пролиферации научного разума *П. Фейерабенда*; гармонизации исторических системных ансамблей *К. Хюбнера*; эволюционно объясняемой трансформации «концептуальных популяций» *С. Тулмина* и др.);
- выдвижение и подкрепление принципа диспозитивности и гипотетичности знания в «критическом рационализме» *К. Поппера*, развитие и обоснование представителями постпозитивизма идей релятивности, конкретности, полиморфности не только содержания научных проблем и теорий, но и содержания самих оснований науки.

Парадигмально значимый *поворот от исследования проблем логики и языка науки к проблемам роста знания и развития средств познания* обозначился прежде всего в «критическом рационализме» *К. Поппера*, что, однако, еще не означало исторической релятивизации самого критерия рациональности, которая произошла позднее — в постпозитивистской философии науки. Поппер проводит различие между «узкой сферой рациональной достоверности», которая является предметом формализации, аксиоматизации, логоцентрической реконструкции (сфера логики и математики) и «широкой сферой рациональности» (сфера синтетического научного знания), которая центрируется *критической установкой*, выражающей позицию разумности, релевантную ситуации погрешности любого знания и оптимальную в плане содержательной экспликации условий его роста на основе перманентной конструктивной критики. Рациональность науки, по Попперу, *проявляется в конструктивном критическом отношении к знаниям*, представляющим гипотетичные пробные решения конкретных проблем, а также к самим способам решения и возможным ошибкам, создающим новые проблемные ситуации, что означает «готовность изменять – проверять, опровергать и, если возможно, *фальсифицировать*» [9: с. 266] все теоретические и эмпирические положения, претендующие на образование формации научного знания. Разрабатывая основную тему эпистемологии — тему *роста знания*, Поппер развивает дифференцированное представление проблемы рациональности, расщепляя ее на три самостоятельные области вопросов: вопросы *демаркации*, рациональности критических *процедур* и рациональности *принятия* теорий для научных и практических целей. Именно в плане решения так дифференцированной проблемы критериев научной рациональности формируется позиция «*критического рационализма*». Ее основное содержание развивается в фарватере «*фаллибилизма*».

ческой» теории знания, исходящей из признания неснимаемой гипотетичности научных теорий, относительности, конкретности, процессуальности научного знания («научная игра в принципе не имеет конца»). Поппер полагал необходимым разрабатывать проблемы эпистемологии и методологии таким образом, чтобы объяснить присущую научному знанию способность к росту, удерживая при этом критериальный подход к проблеме рациональности.

Поле проблемы рациональности расширяется ввиду общей ориентации на выявление рациональных профилей в процессе роста и развития знания. Рост знания трактуется не только как динамика возникновения проблемных ситуаций, смелых предположений, критических обсуждений и опровержений (К. Поппер) [9], но и как смена парадигм в периоды научных революций (Т. Кун) [3], как пролиферация конкурирующих теорий (П. Фейерабенд) [14], как возникновение и чередование научно-исследовательских программ (И. Лакатос) [4], как гармонизация исторических системных ансамблей (К. Хюбнер) [17: с. 156–178], как комплексные фазовые переходы (Х. Эзер), как отбор и изменение матриц понимания (С. Тулмин) [13], как прогресс в возрастании правдоподобия научных теорий (В. Ньютон-Смит), как прогресс в способности решения проблем (Л. Лаудан) и т. д. [10: с. 11–40]. Но и в этом историцистском направлении реально обозначились конкурентные линии построения «рациональных» историко-методологических моделей науки, которые представлены в работах К. Поппера, Л. Лаудана, И. Лакатоса, В. Ньютон-Смита, и «нерациональных» моделей роста знания — парадигматически-революционных (Т. Кун) или анархически-пролиферационных (П. Фейерабенд). В последних явно выражена идея плюралистичности и полиморфности методологических структур и эпистемических формаций, их исторической релятивности и парадигмальной обусловленности. Деструкция понятия критериальной рациональности особенно заметна на интервале перехода от интернализма к экстернализму: радикальные историцистские модели выстраиваются в порядке демонстрации того, что в процессе роста и развития знания определенность внутринаучного рационального регламента достигается под воздействием конвенциональных и метанаучных факторов — социально-психологических (Т. Кун, П. Фейерабенд) или культурно-исторических (К. Хюбнер). Таким образом, в постпозитивистской философии науки коррелятивно становлению неклассической эпистемологии критически пересматриваются или устраняются позиции, свойственные схемам классической гносеологии: эпистемический фундаментализм, методологический абсолютизм, логический редукционизм, антиисторизм, жесткий демаркационизм, кумулятивизм — позиции эти задавали концептуальные координаты, в которых определялось и эксплицировалось понятие нормативно-критериальной рациональности, подвергшееся исторической диффузии и релятивизации в постпозитивистском философско-научном дискурсе.

Для демонстрации историцистского подхода можно воспользоваться аналитически-конструктивной моделью, предложенной К. Хюбнером. Рациональность, согласно моделируемой схеме актуализации ее значений, определяется «сман-

тически» (тождественное фиксирование правил определенного смыслового содержания), «*эмпирически*» (применение однозначно определенных правил объяснения), «*логически-оперативно*» (реализация правильно выстроенных расчетов), «*нормативно*» (сведение одних целей и норм к другим целям и нормам) [16: с. 219–266]. Таким образом, рациональность определяется через комплекс *формально-конститутивных правил действия* [17: с. 28]. Однако сами эти правила или установления (инструментальные, функциональные, аксиоматические, оправдательные, нормативные) *не обладают ни логической, ни трансцендентальной необходимостью*, — они «принимаются по соглашению». Формула генерализирующего означивания этих правил, задающих рациональный профиль научного знания на каждом этапе его развития, устанавливается относительно универсалий релятивного «исторического системного ансамбля» — эпохальной культурно-исторической целостности. Исторический подход, порывая с понятием критериальной рациональности в пользу более широкой и гибкой ее трактовки, может привести к *релятивизму* как совершенно неконструктивной позиции, производящей эффект необратимой диффузии самой проблемы рациональности. В этом плане весьма показательны резкая полемика К. Поппера и Т. Куна о соотношении логики и психологии, роли внутринаучных и метанаучных факторов [8: с. 49–58], а также попытки достижения соизмеримости позиций рациональности и прогрессивности в «методологии научно-исследовательских программ» И. Лакатоса [4]. Исходя из этого же проблематического контекста разрабатывается, например, концепция «гибкой рациональности» С. Тулмина [13], демонстрирующая представленность рациональности и критицизма в социально-исторической «матрице понимания», которая сама подчиняется процессуальности «естественного отбора». Значимость (адекватность, регулятивность, эффективность) критериев и стандартов рациональности проблематизируется применительно к конкретным практическим и ценностным контекстам общения и деятельности, которые представляются как образования исторически подвижной среды, наделяющей те или иные стандарты рациональности статусом всеобщности. Относительно данного способа проблематизации рациональности уместно привести известное, критически заостренное высказывание Х. Патнема, полагавшего, что и «за релятивизмом скрывается определенная форма сциентизма: теория, согласно которой рациональность определяется по идеалу компьютерной программы, — это сциентистская теория, инспирированная точными науками; теория, согласно которой рациональность определяется нормами, свойственными каждой отдельной культуре, — это сциентистская теория, вызванная к жизни антропологией» [7: с. 170]. Применяя метод перспективной идеализации, Патнем стремится показать, что «фактором, определяющим, является ли убеждение рациональным, являются не нормы рациональности той или иной культуры, но *идеальная теория рациональности*, теория, которая обеспечивает необходимые и достаточные условия рациональности убеждения» [7: с. 140], объясняя предельные парадигматические примеры.

(III) Третья общезначимая тенденция изменения эпистемологических подходов, которая проявилась при разработке темы конституентов и критериев рациональности, — это *тенденция к размыканию теоретико-познавательного дискурса на изучение познания в контексте целостной деятельности человека*. Выражается эта тенденция прежде всего в перспективной ориентации эпистемологических программ на выявление условий и форм взаимодействия когнитивных, коммуникативных и практических факторов в целостном познавательном процессе. Ориентация эта проявляется также и в философии науки, что свидетельствует о парадигмальном сдвиге в понимании структуры научного знания: речь идет о преодолении абстрактного логико-гносеологического понимания рациональности и открытии форм металогической детерминации научного познания. Преодолению абстрактно-логоцентрического понимания рациональности способствовало сознание *невозможности предельной логической экспликации процедур обоснования знания и нормативной структуры опыта в целом*. Актуальным становится новый тип философско-методологической рефлексии — это *рефлексия взаимоопределяемости субъекта и знания*, направленная в особенности на условия и факторы *предпосылочной детерминации познания* [5: с. 120–131]. Поле значений понятия рациональности существенно расширяется с постановкой проблемы экспликации функционирующих в процессе познания *явных и неявных предпосылок* познавательной деятельности — категориально-понимательных, аксиологически-интенциональных и телеологически-рациональных, эпистемически-структурных и праксеологически-операциональных. Предпосылки эти закрепляются как на концептуальном, рефлексивно доступном и рационально прорабатываемом уровне, так и на доконцептуальном, метадискурсивном уровне. Именно в составе формаций предпосылочного знания воспроизводится комплекс первичных *нередуцируемых к логике* эпистемологических диспозиций, представляющих результат трансформации воздействия некогнитивных — социокультурных, коммуникативных и практических факторов в собственные структурные условия, регулятивные и конструктивные установки познания. В первом приближении особенным условием решения проблем рациональной реконструкции научно-познавательного опыта может стать различие *формально-прескриптивного* и *естественно-диспозитивного* смысла норм организации познавательной деятельности, — такое различие позволяет соотнести по принципу дополнительности *логически эксплицируемые значения методологических норм* и металогическое содержание предпосылок, представляющих *внелогические типы нормативности* в основе рационализации познавательного процесса. В перспективе развития такого подхода артикулируются возможности раскрытия *системного смысла понятия рациональности знания* [10: с. 54–68]. При осуществлении комплексного подхода к определению системного смысла рациональности в составе оснований рациональной организации познавательного опыта различаются конфигурации *явных и неявных* конституентов рациональности. Таковыми на доконцептуальном уровне являются структуры предпосы-

лочного знания, категориально-понимательные матрицы, предметно ассимилируемые образцы мыследеятельности, духовно-практические — телеологические и аксиологические комплексы, а рационально-эксплицитное и фиксированное выражение получают *идеалы и нормы* научно-исследовательской деятельности, *онтологические постулаты и концептуально-предметные схемы*, а также *философские идеи и принципы*, образующие в своем системном единстве комплекс фундаментальных установок научно-познавательной практики и удерживающие ее инварианты и особенности на определенном этапе развития науки [12: с. 185–292]. Эвристический потенциал такого типа философско-методологической рефлексии, осуществляющей координацию *логически-нормативного подхода с металогически-дескриптивным* [1: с. 239–247], может раскрываться в плане выявления и соотнесения феноменологического, аксиологического, методологического и праксеологического измерений рациональности знания.

Литература

1. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. 407 с.
2. Куайн Уиллард ван Орман. Слово и объект: пер. с англ. М.: Логос, Праксис, 2000. 386 с.
3. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 296 с.
4. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект: Трикта. 2008. С. 3–235.
5. Микешина Л.А. Фундаментальный поворот в понимании структуры научного знания // Философия, Наука, Цивилизация. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 120–131.
6. Никифоров А.Л. От формальной логики к истории науки: критический анализ буржуазной методологической науки. М.: Наука, 1983. 176 с.
7. Патнэм Хилари. Разум, истина и история / Пер. с англ. Т.А. Дмитриева, М.В. Лебедева. М.: Праксис, 2002. 296 с.
8. Поппер К. Нормальная наука и опасности, связанные с ней // Философия Науки. Вып. 3. М., 1997. С. 49–58.
9. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983. 497 с.
10. Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М.: Университет Российской Академии Образования, 2002. 318 с.
11. Пружинин Б.И. Проблема рациональности — проблема целостности знания // Проблемы рефлексии в научном познании: межвуз. сб. ст. Куйбышев: КГУ, 1983.
12. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: «Прогресс-Традиция», 2000. 744 с.
13. Тулмин Ст. Человеческое понимание. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 304 с.
14. Фейерабенд П. Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 352 с.

15. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне: пер. с нем. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.
16. *Хюбнер К.* Истина мифа: пер. с нем. М.: Республика, 1996. 448 с.
17. *Хюбнер К.* Критика научного разума: пер. с нем. М.: Ин-т философии РАН, 1994. 326 с.

Literatura

1. *Kasavin I.T.* Migraciya. Kreativnost'. Tekst. Problemy' neklassicheskoy teorii poznaniya. SPb.: Izd-vo RXGI, 1999. 407 s.
2. *Kuajn Uillard van Orman.* Slovo i ob''ekt: per. s angl. M.: Logos, Praxis, 2000. 386 с.
3. *Kun T.* Struktura nauchny'x revolyucij / Per. s angl. I.Z. Naletova. Blagoveshhensk: BGK im. I.A. Bodue'na de Kurtene', 1998. 296 s.
4. *Lakatos I.* Fal'sifikaciya i metodologiya nauchno-issledovatel'skix programm // Lakatos I. Izbranny'e proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki. M.: Akademicheskij proekt: Triksa. 2008. S. 3–235.
5. *Mikeshina L.A.* Fundamental'ny'j povorot v ponimanii struktury' nauchnogo znaniya // Filosofiya, Nauka, Civilizaciya. M.: E'ditorial URSS, 1999. C. 120–131.
6. *Nikiforov A.L.* Ot formal'noj logiki k istorii nauki: kriticheskij analiz burzhuaznoj metodologicheskoy nauki. M.: Nauka, 1983. 176 s.
7. *Patne'm Xilari.* Razum, istina i istoriya / Per. s angl. T.A. Dmitrieva, M.V. Lebedeva. M.: Praxis, 2002. 296 s.
8. *Popper K.* Normal'naya nauka i opasnosti, svyazannye s nej // Filosofiya Nauki. Vy'p. 3. M., 1997. C. 49–58.
9. *Popper K.* Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbranny'e raboty'. M.: Progress, 1983. 497 s.
10. *Porus V.N.* Racional'nost'. Nauka. Kul'tura. M.: Universitet Rossijskoj Akademii Obrazovaniya, 2002. 318 s.
11. *Pruzhinin B.I.* Problema racional'nosti — problema celostnosti znaniya // Problemy' refleksii v nauchnom poznanii: mezhvuz. sb. st. Kujby'shev: KGU, 1983.
12. *Stepin V.S.* Teoreticheskoe znanie. M.: «Progress-Tradiciya», 2000. 744 s.
13. *Tulmin St.* Chelovecheskoe ponimanie. Blagoveshhensk: BGK im. I.A. Bodue'na de Kurtene', 1998. 304 s.
14. *Fejerabend P.* Protiv metodologicheskogo prinuzhdeniya. Ocherk anarxistskoj teorii poznaniya. Blagoveshhensk: BGK im. I.A. Bodue'na de Kurtene', 1998. 352 s.
15. *Xabermas Yu.* Filosofskij diskurs o moderne: per. s nem. M.: Ves' Mir, 2003. 416 s.
16. *Xyubner K.* Istina mifa: per. s nem. M.: Respublika, 1996. 448 s.
17. *Xyubnep K.* Kpitika naychnogo pazuma: per. s nem. M.: In-t filosofii RAH, 1994. 326 s.

A.V. Galoukhin

**The Issue of Rationality in the Context
of the Thematic Shifts in Epistemology**

This article considers the change of the status of the issue of rationality and transformation of approaches to its solution in the context of the expansion of the field of objective epistemological research. In the article several issues are single out: (1) the tendency to pluralization of cognitive experience and diversifikatsii the ways of its comprehension; the tendency to historicization and dialektizatsii of concept of rationality; (3) the tendency to reorientation of epistemology to the study of cognition and determination of constituents of rationality in terms of correlating the logical-normative attitudes and metalogical-discretionary factors of the rationalization of the cognitive process and identification of the conditions premised determination of scientific knowledge and its relation to metascientific context.

Keywords: science; scientific rationality; epistemology; positivism; post-positivism; historicism; polilogichnost; transdiskursivnost.